

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSÉE RUSSE

VI-HEBDOMADAIRE

Выходит по средам и пятницам

Редакция и Контора:
«LA PENSÉE RUSSE».
26, rue de Montholon, PARIS (9*),
Métro: Cadet. В экстренных случаях
звонить в типографию: GOB 84-97.

Прем по делам Редакции и Конторы
ежедневно от 11 до 13
и от 16 до 18 часов.
По субботам — только до 13 часов.

В ГОСТЯХ У ЧЕХОВА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ПЯТЬДЕСЯТ два года тому назад, в 1898 году, в знойный июльский день, под жгучими лучами южного крымского солнца, по набережной Ялты проѣзжало широкое ландо, с прикрѣпленным над ним бѣлоснѣжным широким тентом-зонтом с красной оторочкой вокруг и с красными кистями по углам. В коляскѣ возсѣдала моя тетка, — строгая, важная дама, начальница Ялтинской женской гимназіи, В. К. Харкѣвич, рядом с ней другая моя тетка, ея младшая сестра Манефочка, а против них — гимназистка старших классов той же гимназіи, Олечка Шлезингер, и я — 22-лѣтній студент физико-математическаго факультета четвертаго семестра.

Справа от нас, над прелестными дачами и стройными благоухающими кипарисами, высились острокопечныя высокія горы, наверху лысыя, а снизу окаймленныя густым лѣсом, колючими кустарниками и виноградниками.

Слѣва раскинулось безбрежное Черное море. На горизонтѣ маячили бѣлые паруса рыбацких лодок, а вблизи мелькали рѣдкими взмахами крыльев крикливыя чайки.

Все было нам радостно — и горы, и море, и кипарисы, и розы вокруг дач; а нѣжный, ароматный ялтинскій воздух, увлажняемый радужной сѣченою пылью, срываемой с гребней волн порывами вѣтра, вливал в наши души, вмѣстѣ с дыханіем, элексир жизни, сознаніе вѣчности бытія.

Было солнечно вокруг, было солнечно и в душѣ.

Настроеніе наше было приподнятое: тетка везла нас в гости к Антону Павловичу Чехову, в то время проживавшему в предмѣстьи Ялты, гдѣ он только что построил себѣ маленькую, но комфортабельную дачу.

Он часто бывал в гостях у моей тетки, как впрочем многіе писатели и художники, находившіе в домѣ у моей тетки не только уют и ласку, но и интересное общество, в котором по вечерам происходил оживленный обмѣн мнѣній.

Был в домѣ у нея заведен таковой обычай, что всякое новое лицо, над которым загоралась звѣзда славы, должно было расписаться на бархатной скатерти, послѣ чего факсимиле вышивалось гладью.

Помню на этой скатерти имена художников Рѣпина и Айвазовскаго, поэта Бальмонта, писателей Куприна, Леонида Андреева и многих других. Бывал у нея и Максим Горькій, но на скатерти его подписи не было. Когда я спросил тетю о причинѣ такого упущенія, то получил удивительный отвѣтъ: "Не хочу. Очень талантлив, но уж больно безпринципен".

Мы быстро приближались к дачѣ Чехова, легкомысленные, как сама молодость, и трепетные от восторженнаго ожиданія.

Чехов, поджидавшій нас и замѣтившій из окна приближеніе коляски, спустился к нам с крыльца навстрѣчу. Привѣтствуя тетку, он познакомился с нами, ласково и привѣтливо улыбаясь. Все в нем было

как-будто обыкновенно, но нам чудилось что-то необычайное.

Прежде чѣм ввести нас в дом, Чехов обратил наше вниманіе на будущій сад, который он разбивал вокруг дома. Тонкія деревца бѣлой акаціи и кипарисов, взятые из питомника, были посажены сбоку дорожек будущих аллей, а между ними клумбы цвѣтов, на которыя Чехов взирал с горделивым удовольствіем; срѣзал нѣсколько чайных роз и преподнес дамам.

Мы вошли в дом и расположились в большой гостиной, которая служила писателю и рабочим кабинетом. В гостиной оказался еще один гость, писатель и крупный издатель популярной научной литературы, Николай Александрович Рубакин.

В ОГРОМНОЙ нишѣ гостиной, слѣва от входа, покоилось удобное кресло и стоял огромный письменный стол, как мнѣ показалось — из черного дерева.

Пригласив всѣх нас садиться, сам Чехов сейчас же залѣз в свою нишу и удобно устроился в креслѣ, предварительно посадив возлѣ стола мою тетку.

— Представьте себѣ, дорогой Антон Павлович. — сказала она, — в какой ужас привел меня мой милый племянник сегодня утром. Он хотѣлъ взять с собою тетрадку со своей повѣстью, чтобы дать вам на отзыв! Счастье, что я во-время это замѣтила и категорически запротестовала против попытки отнять у вас драгоценное время!

Чехов, видя мое смущеніе, добродушно и весело разсмѣялся.

— Не скрою от вас, молодой человек, что читать чужія рукописи для меня истинное мученіе. Но я сам страдаю болѣзью писательства, понимаю и сочувствую вам и

хотѣлъ бы быть вам полезным. А так как вы навѣрное знаете, что я врач по специальности, то разрешите мнѣ задать вам нѣсколько вопросов, чтобы поставить нѣкій диагноз. Во-первых, писали-ли вы когда-нибудь дневник?

— Да. С гимназической скамьи писал и пишу постоянно.

— Отлично. А позвольте спросить, в своем дневникѣ, чему вы больше всего удѣляете вниманіе — окружающему вас міру или собственной своей особѣ?

Я покраснѣлъ, так как в моих дневниках моя особа всегда была на первом мѣстѣ, и не нашелся, что сказать. Но сам Чехов меня выручил, сказав, что о самом себѣ можно размышлять в предѣлах, не выходящих из Сократовской формулы: "познай самого себя".

— А как озаглавлена ваша статья, которую вы мнѣ хотѣли показать?

— "Внѣ отвѣта".

— Так попробуйте ее напечатать. Зачѣм вам отзыв авторитетов? Читатель — вот кто лучшій критик и цѣнитель. Только пишите жизненную правду и вы получите заслуженный успѣх. Все, на чем остановится взор, заслуживает вниманія.

В это время вмѣшался в разговор Рубакин, и, закуривая папиросу, спросил Чехова:

— Антон Павлович, вот мой взор остановился на этой спичечной коробкѣ. Неужели, глядя на нее, можно извлечь какую-либо тему для статьи?

— Ну конечно-же! Да сколько угодно и что угодно — и трагедію, и драму, и комедію!

— Напримѣр?

— Напримѣр, трагедія. Банальная тема: молодые родители ушли из дому, оставив маленьких дѣтей и

забыв спрятать спички. В результате дом сгорел, дѣтишки погибли, мать сошла с ума, отец застрѣлился!...

Несмотря на страшную картину, мы всё невольно разсмѣялись.

— Ну, а драма? — спросил Рубакин.

— Пожалуйста! Дѣвица ошиблась, рѣшив, что жених ея не любит. Хочет покончить с собой. Наломала спичечных головок, съѣлала настойку и выпила. Но ее во-время спасли. Пришел жених, произошло объясненіе, а затѣм пришло и счастье.

— Великолѣпно! Ну, а комедія?

— Можно и комедию! Муж был не в духѣ. Искал вездѣ спички и не находил. Напал на жену и обозвал ее плохой хозяйкой. А она обидѣлась и назвала его деспотом, и чуть было дѣло не дошло до развода.

В общем, разговор был весьма оживленный. Тетка, между прочим, сказала:

— Я впрочем не возражаю против увлеченія литературой моего племянника. Но вот, чего я рѣшительно боюсь. Представьте, Антон Павлович, ему только 22 года, а он уже собирается жениться!

— Ну что же, Варвара Константиновна! Этот возраст, по-моему, хорош для женитьбы. Что может быть красивѣе того, если молодые еще не испорченные жизнью люди соединяются в бракѣ, чтобы устроить свое гнѣздо. Я сам собирался в 22 года жениться, но, к сожалѣнію, это не состоялось, а теперь мнѣ уже жениться поздно.

Тут Чехов ошибся, так как вскорѣ женился.

ПОСЛѢ чая в столовой, всё опять вернулись в гостиную-кабинет,

гдѣ начался болѣе серьезный разговор, касавшійся міровых проблем.

Барышни шепнули мнѣ: “не пройти ли нам в садик?” Вышли под шумок. Сдѣлав два-три тура по аллеям, остановились возлѣ артезіанскаго колодца. Было очень жарко. Олечка Шлезингер держала в руках букет цвѣтов и рѣшила сорызнуть их водой.

— Будьте добры, накачайте воды, — обратилась она ко мнѣ.

Я взялся за тяжелую изогнутую длинную ручку насоса и с трудом начал качать. Послѣ нѣскольких взмахов, гдѣ-то в глубинѣ насоса, под огромным поршнем, послышалось шипѣнье, затѣм какое-то бульканье: вода должна была сейчас хлынуть. Олечка положила букет на камень, сложила ладони ковшиком и подставила под желоб насоса.

Но вдруг растворилось венеціанское окно в кабинетѣ и из него высунулся Чехов, в ужасѣ крича:

— Стойте, стойте, что вы дѣлаете? Вѣдь вы качаете навоз для удобренія!...

Барышня в страхѣ отскочила, я замер на мѣстѣ, а Чехов все еще стоял в окнѣ с воздѣтыми кверху руками.

Оправившись от неожиданности, всё, наконец, разразилось неудержимым хохотом.

НИКТО из нас не отдавал тогда себѣ отчета, что этот короткій визит к Чехову останется у нас в памяти на всю жизнь.

Все казалось тогда обыкновенным, житейским. И прелестный домик, и тошій садик, и мы, и сам Чехов, несмотря на его извѣстность, и наши разговоры, и обыкновенный чай с обыкновенными атрибутами

— сдобными булочками и вишневым вареньем.

Это было то ви́шнее, видимое, что было ощутимо. Но было и нѣчто неосязаемое, внутреннее, что постигается не сразу.

Это было обаяніе внутренняго духовнаго облика Чехова, то тепло и свѣтъ, исходящіе от него и согревающие и освѣжающіе вас навсегда.

Источник этого свѣта и тепла — его безпредѣльная любовь ко всѣм, ко всему хорошему. Ему была присуща любовь безмятежная, понимающая, неосуждающая, всепрощающая.

Вскорѣ послѣ посѣщенія Чехова, я послал свою повѣсть “Внѣ отвѣта”, поочередно в разные редакціи. Но нигдѣ ее к печати не приняли.

Один мой пріятель взял ее у меня прочитать и вернул с надписью:

Внѣ отвѣта и привѣта
От издателей лихих,
Каждый думает из них —
Повѣсть эта
Может быть лишь «внѣ отвѣта»...

Чехов оказался прав: единственный мой читатель был и единственным моим критиком и по достоинству оцѣнил мою повѣсть.

РОВНО тридцать лѣтъ спустя, в 1928 году, мнѣ удалось вновь побывать в Ялтѣ.

Прекрасное зданіе бывшей ялтинской женской гимназіи, созданной неутомимой энергіей моей тетки, еще горло стояло, но внутри я нашел мерзость запустѣнія. Блестящіе чистотой, роскошные в прошлом классы, аудиторіи, актовый зал превратились в грязные классы ялтинской семилѣтки.

Моя незабвенная тетя умерла в глубокой бѣдности в “великолупно” отведенной ей большевиками комнатукѣ в бывшей дворницкой при гимназіи. Никакой пенсіи большевики ей не дали, и до самой ее смерти ее поддерживали и за ней ухаживали нѣсколько живших в Ялтѣ бывших ее учениц, так трепетавших перед ней в гимназическіе годы. Тетя была счастлива тѣм, что жила и умирала в своей гимназіи.

До самой смерти хранила она свою любимую скатерть, как вещественный символ духовных цѣнностей, канувших в вѣчность.

Побывал я тогда и на дачѣ Чехова. Сад, посаженный его руками разросся. Но невесело было на душѣ и непріятно звучали в ушах тусклые объясненія “экскурсовода”. Думалось о свѣтлом прошлом, настоящее было омрачено безысходной тоской по духовной свободѣ, а о будущем не хотѣлось помышлять.

Но “будущее” пришло...

Мог-ли, когда-нибудь, представить себѣ Чехов и вся плеяда гостей моей тетки, что благоухающая Ялта, приносящая им вдохновеніе для служенія высшим идеалам, станет мѣстом проклятія для семи милліонов русских людей, насильно предаваемых в руки совѣтских палачей, на основаніи безчеловѣчнаго “ялтинскаго соглашенія”?!

Но опять придет “будущее”, и воскреснет Святая Русь, а с ней воскреснут и незапятнанные ложью, свѣтлыя имена Чехова и других наших писателей. Спадут путы творчества нашей грядущей молодежи, и духовная мощь русскаго самоотверженнаго сердца засіяет над міром яркими звѣздами любви и братства.

Владимір Эдигер.

Комментарий

...младшая сестра... – учительница рисования Манефа Николаевна Харкеевич была сестрой мужа В.К. Харкеевич.